

В городе Б Лянь Цзюнь действительно вычислил подозреваемого, и благодаря звонку Ши Вэйчуну им удалось точно определить местонахождение Ли Цзючжэна. Гуа Девятый оторвался от клавиатуры и доложил: «Телефон цели зафиксирован на шоссе неподалеку от города Л. Он движется с высокой скоростью. Сразу после звонка аппарат был отключен, так что дальнейшее отслеживание невозможно».

Ши Вэйчун провел рукой по лицу и в изнеможении откинулся на спинку дивана. Его последняя надежда на то, что всё это лишь чудовищное недоразумение, рухнула.

Ли Цзючжэн утверждал, что находится в Чэнду и никуда оттуда не уезжал. Он также заявил, что прошлой ночью действительно получил звонок от Ши Цзиня, но разговора не состоялось. Однако подчиненные Лянь Цзюня засекли местоположение Ли Цзючжэна неподалеку от города Б — и, судя по направлению движения, он только что покинул город Б и направлялся в сторону города Л. Это полностью противоречило всем его словам.

Более того, в руки Лянь Цзюня попала запись последнего звонка Ши Цзиня, сделанного прошлой ночью. Она доказывала, что подросток не просто говорил — он просил о помощи и в деталях сообщил свои координаты.

Записи с нескольких камер видеонаблюдения показали, что прошлой ночью на той самой улице сделала короткую остановку черная машина. Время идеально совпадало с моментом, когда Ши Цзинь повесил трубку.

Подчиненные Лянь Цзюня нашли все личные вещи Ши Цзиня в мусорном баке неподалеку. Изучив записи с ближайших камер, они установили, что выбросил их водитель того самого черного автомобиля.

Все улики указывали на Ли Цзючжэна. Еще недавно Ши Вэйчун мог утешать себя мыслью, что прямых доказательств присутствия Ли Цзючжэна в той машине нет, а значит, он мог быть ни при чем. Однако недавний звонок лишил его всякой возможности и дальше обманывать себя. Его пятый брат, которого он считал самым благородным и правильным из всех, увез их раненого младшего брата и нагло солгал об этом.

Он никак не мог взять в толк, зачем Ли Цзючжэну понадобилось это делать. В конце концов, он никогда не выказывал явной враждебности по отношению к Ши Цзиню.

— Может быть, Цзючжэн просто хотел помочь Сяо Цзиню с его раной... — попытался он оправдать действия Ли Цзючжэна, хотя и сам ни на йоту в это не верил.

Лянь Цзюнь выехал на своей инвалидной коляске из-за стола.

— Если бы это было правдой, он бы не стал прятать Ши Цзиня. Гуа Первый, забронируй билеты в Чэнду и отправь кого-нибудь проследить за машиной Ли Цзючжэна.

— Понял, — кивнул Гуа Первый и отошел, чтобы заняться поручением.

Ши Вэйчун нахмурился:

— Даже если Цзючжэн и увез Сяо Цзиня, он ведь не причинит ему вреда...

— Ты уверен? Ты абсолютно уверен, что Ли Цзючжэн не таит злобы на Ши Цзиня? — перебил его Лянь Цзюнь, ударив в самую суть проблемы.

Это заставило Ши Вэйчуна ошеломленно замолчать. Нет, он не был уверен. Никто в их семье, включая его самого, не питал к Ши Цзиню ни капли добрых чувств, пока они не увидели, как сильно тот изменился.

Раньше Ши Цзинь был для них лишь бельмом на глазу. Негативные эмоции, копившиеся более десяти лет, нельзя было просто так замять и отмахнуться от них легкомысленным «наверное». Он прекрасно понимал, почему раньше никто не проявлял к Ши Цзиню открытой враждебности. На лице Ли Цзючжэна никогда ничего не отражалось, но кто мог с уверенностью сказать, какие мысли на самом деле скрывались в его голове?

Видя, что тот не может найти ответа, Лянь Цзюнь сардонически усмехнулся:

— Вы, братья, воистину смехотворны, один другого нелепее. Какие такие немыслимые злодеяния совершил против вас Ши Цзинь?

Затем он развернул коляску и покинул комнату, даже не удосужившись оглянуться.

Гуа Второй и остальные поспешили за ним следом.

В мгновение ока Ши Вэйчун остался в кабинете один, размышляя над последними словами Лянь Цзюня. Он открыл новогоднее сообщение, которое Ши Цзинь прислал ему прошлой ночью. Чем больше он думал, тем сильнее его пальцы сжимали телефон. В конце концов, он тоже поднялся и решительно зашагал прочь из кабинета.

Тряска в машине отнюдь не способствовала восстановлению после ранения. Хотя Ши Цзинь и пришел в себя, это продлилось недолго: вскоре у него закружилась голова и начался жар. О том, чтобы выждать удобного случая для побега, не могло быть и речи — ему стоило колоссальных трудов просто оставаться в сознании.

Ли Цзючжэну не потребовалось много времени, чтобы заметить состояние подростка. Он искоса взглянул на него, его пальцы дрогнули, но в итоге он предпочел проигнорировать это.

Несколько часов спустя, когда бледный зимний солнечный свет начал меркнуть, машина наконец остановилась — они прибыли в пункт назначения Ли Цзючжэна.

Ши Цзиня силой заставили проснуться и вытащили из машины, хотя его ноги дрожали от слабости и едва держали его. После того как Сяо Сы подтолкнул его, он поднял голову, заставляя свой затуманенный мозг работать... и едва не получил сердечный приступ. Ли Цзючжэн действительно привез его на кладбище! Что все это значит? Он что, хочет убить Ши Цзиня и тут же избавиться от трупа?

— Первый день Нового года — благоприятный день для почитания предков, — ровным тоном произнес Ли Цзючжэн. Он жестом приказал водителю ждать снаружи и потащил подростка вглубь кладбища.

— Пятый брат, зачем ты привез меня сюда... — голова Ши Цзиня раскалывалась, а перед глазами плясали темные пятна, мешая нормально видеть. Пока его тащили вперед, он то и дело спотыкался, и если бы не рука, крепко державшая его за плечо, он бы уже давно рухнул на землю.

Услышав его хриплый, едва различимый голос, Ли Цзючжэн бросил на него взгляд и остановился. Он достал несколько таблеток и сунул их в рот Ши Цзиню со словами:

— Выпей это, тебе сейчас нельзя падать в обморок.

Ши Цзинь не стал сопротивляться и послушно открыл рот, проглотив таблетки всухую. Он сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в чувство, и повторил свой вопрос:

— Пятый брат, где мы?

Мужчина продолжил тащить его за собой:

— Там, где похоронена моя мать.

— Что? Твоя мать... Кхы, кхы, кхы! — Ши Цзинь заговорил слишком быстро и случайно поперхнулся застрявшей в гортани таблеткой. Он согнулся пополам, заходясь кашлем.

Вынужденный снова остановиться, Ли Цзючжэн повернулся к нему. Рука, сжимавшая предплечье подростка, напряглась, а выражение его лица стало немного пугающим.

<Цзинь-Цзинь, полоса прогресса снова поползла вверх, уже 910!> — Сяо Сы был в панике. По какой-то причине состояние Ли Цзючжэна казалось ужасно неправильным.

Ошеломленный, Ши Цзинь поперхнулся воздухом, отчего закашлялся еще сильнее, до боли в гортани. Он поднял взгляд на Ли Цзючжэна и слабо махнул рукой, показывая, что тот может не обращать внимания и идти дальше.

В этот момент вид Ши Цзиня был поистине жалким. Цвет его лица был ужасным: бледные, бескровные губы и неестественно красные из-за высокой температуры щеки. Пот пропитал его волосы, из-за чего они прилипли к голове. Больничная одежда, в которую его переодели, была слишком велика и мешковато висела на его фигуре, а поверх нее была накинута его собственная, испачканная в крови куртка. Кисти рук и запястья, выглядывавшие из рукавов, посинели от холода — одного этого было достаточно, чтобы понять, насколько морозной была погода.

Его нынешний облик заставил Ли Цзючжэна на мгновение замереть с пустым взглядом. Затем выражение его лица внезапно помрачнело. Не проронив больше ни слова, он потащил юношу в дальний угол кладбища.

Ши Цзинь ковылял следом, не решаясь больше открыть рот. Однако в мыслях он обратился к системе: «Мать Ли Цзючжэна умерла? Почему в романе об этом не упоминалось?!»

Сяо Сы тоже был поражен. Он неуверенно ответил: <Наверное, потому, что роман был написан от лица оригинального «Ши Цзиня»? «Он» этого не знал, поэтому в сюжете это не упоминалось.>

Во рту у Ши Цзиня появился горький привкус. Он процедил: «Чертов роман! Не упомянуть такую важную деталь! Неудивительно, что полоса прогресса подскочила, когда я спросил Ли Цзючжэна, почему он не дома с семьей. Оказалось, его самый близкий человек скончался; мой вопрос только растравил его раны».

Сяо Сы больше беспокоился о его здоровье, чем о сюжете: <Цзинь-Цзинь, тебе необходимо продолжить лечение и как следует отдохнуть, ты больше не можешь так держаться.>

«Я знаю, но сейчас это невозможно...» — Ши Цзинь бросил взгляд на Ли Цзючжэна, который широко шагал вперед, волоча его за собой, и с трудом попытался собраться с мыслями. «К

тому же, поведение брата просто слишком странное, возможно, мне удастся вытянуть из него какую-то информацию... Подожду и посмотрю; я еще могу продержаться».

Не в силах сделать что-либо еще, Сяо Сы продолжал накладывать на него баффы, надеясь, что тот почувствует себя лучше и продержится до прибытия подмоги. Он молился, чтобы Лянь Цзюнь поторопился и приехал как можно скорее.

Им потребовалось много времени, чтобы добраться до могилы матери Ли Цзючжэна. Ли Цзючжэн толкнул Ши Цзиня вниз, поближе к еще совсем новому надгробию, и указал на фотографию на нем:

— Смотри на нее. Смотри долго и внимательно.

От такого толчка Ши Цзинь повалился на надгробие. Ему удалось ухватиться за камень и удержать равновесие, но его колено с силой ударилось о землю. Жгучая боль дала понять, что он сильно содрал кожу.

Он нахмурился, молча терпя боль. Вместо того чтобы стоять на коленях, он сменил позу и просто сел перед могилой, а затем поднял голову, чтобы взглянуть в фотографию. Присмотревшись, он остолбенел: мать Ли Цзючжэна совершенно не походила на своего сына. Зато она была пугающе похожа на Ши Цзиня, особенно глазами и линией бровей.

Нет, не совсем так; если присмотреться, у Ли Цзючжэна и его матери было некоторое сходство, например, овал лица и форма губ. Но эти глаза...

— Мы ведь не похожи, верно? — Ли Цзючжэн наклонился и положил руку на плечо Ши Цзиня, другой рукой касаясь фотографии. Он переводил взгляд с него на красивую, нежную женщину на портрете и прошептал: — Я, без сомнения, ее ребенок, но совершенно на нее не похож. Зато ты... Она мечтала о ребенке, который был бы похож на нее, поэтому я отдам тебя ей, хорошо?

...Твою же мать!

Безумие, сквозившее в этих словах, застало Ши Цзиня врасплох — жажда убийства, которую Ли Цзючжэн испытывал к оригинальному «Ши Цзиню», была вызвана такой дикой и болезненной причиной! Кто бы мог подумать, что мать Ли Цзючжэна будет похожа на «Ши Цзиня»?

По словам Сюй Чуаня и Жун Чжоучжуна, внешность «Ши Цзиня» была схожа с внешностью его родной матери, так почему же он оказался похож и на мать Ли Цзючжэна... Подождите-ка! «Ши Цзинь» был похож на «свою» мать, а «его» глаза походили на глаза матери Ли Цзючжэна. Если так, значит, глаза обеих матерей были похожи...

Какая-то мысль настойчиво вертелась у него в голове, но не успел он на ней сосредоточиться, как почувствовал внезапный укол боли. Он опустил взгляд — Ли Цзючжэн приставил к его шее скальпель и провел короткую, неглубокую линию. Все мысли в голове Ши Цзиня мгновенно улетучились перед лицом смертельной опасности.

— На этот раз я действительно умру!

Сяо Сы всхлипнул, а затем завыл: <Цзинь-Цзинь! Твоя полоса подскочила до 990! Сделай что-нибудь, скорее!>

Ши Цзинь был близок к нервному срыву. Сделать что-нибудь? Он вообще не понимал, что происходит, так что он должен был сделать?! С таким же успехом он мог бы просто броситься

на скальпель и покончить с этим раз и навсегда! Ли Цзючжэн был полным психом — как такой опасный человек мог вообще быть врачом?!

Стоп, врачом?

В момент неожиданного прояснения разума Ши Цзиня осенила идея. Решив пойти ва-банк и рискнуть, он схватил руку Ли Цзючжэна, державшую скальпель, и искренне сказал:

— Брат, не используй это, не здесь, не так. Скальпель создан для того, чтобы спасать жизни, не пачкай его из-за меня.

Рука Ли Цзючжэна напряглась. Его тон резко упал и стал еще холоднее:

— Думаешь, я отпущу тебя, если ты так скажешь?

— Я просто хочу, чтобы ты отпустил самого себя! — ответил Ши Цзинь, заставляя свое тело расслабиться и прислониться к брату. Бросив взгляд на дату смерти, выбитую на надгробии, он мягко добавил: — Все эти годы у тебя было бесчисленное множество возможностей убить меня, но ты ни разу не попытался. На самом деле ты ведь не хочешь меня убивать, не так ли?

Ли Цзючжэн не ответил, но и не оттолкнул его. Он просто смотрел на могилу, и его глаза были полны эмоций, слишком глубоких, чтобы их мог понять кто-то, кроме него самого.

Рана на плече Ши Цзиня прижалась к брату. Его брови сошлись на переносице от боли, но он изо всех сил старался сохранить ровный голос и выражение лица. Он медленно повернулся боком, чтобы посмотреть брату в лицо, и попытался одной рукой обнять его за талию. Попросив Сяо Сы наложить на него баффы, он понизил голос до шепота:

— Брат, я знаю, ты только что потерял маму и не смог с этим справиться, поэтому поддался импульсу... В этом году у тебя наконец появилась возможность провести Новый год вместе с ней, но внезапно она ушла, и ты навсегда потерял этот шанс.

Ли Цзючжэн напрягся, и рука, сжимавшая раненое плечо Ши Цзиня, резко сжалась.

Ши Цзинь бросился ему на грудь и крепко обнял, воспользовавшись этой возможностью, чтобы отвести скальпель в сторону. Он утешающе похлопал брата по спине и продолжил:

— Я такой же, как ты, в этом году я тоже совсем один. Моя мама умерла много лет назад. Я не знаю, как она выглядела, где похоронена — по правде говоря, я вообще ее не помню. Брат, ты — единственное, что у меня осталось...

Мужчина хранил молчание, но пальцы, сжимавшие скальпель, постепенно разжались. Вместо этого он плотно сжал губы.

— Брат, позволь мне остаться с тобой. Мы отпразднуем Новый год вместе, как раньше. Все пройдет, все хорошо, теперь все хорошо, — продолжал успокаивать его Ши Цзинь, параллельно прося Сяо Сы накинуть на него все баффы, которые тот сочтет хоть немного полезными.

— ...Что ты задумал? — спустя какое-то время Ли Цзючжэн наконец соизволил заговорить. Его голос был тихим, а слова — насмешливыми, но он опустил руку со скальпелем. Внезапно его тело обмякло, и он тяжело осел на землю.

Сяо Сы радостно воскликнул: <Упала, упала! Твоя полоса прогресса опустилась до 950!>

Ши Цзинь выдохнул, с облегчением осознав, что его план — заставить Ли Цзючжэна почувствовать, что они оба вызывают жалость — сработал. Он тоже сел, протиснувшись в его объятия, и успокаивающе потер его плечи:

— Брат, если тебе грустно, просто поплачь. Я побуду с тобой.

Научные исследования доказывали, что объятия и слезы помогают снять стресс и напряжение, позволяя людям почувствовать себя лучше. Ши Цзинь просто надеялся, что его брат выплеснет эмоции и избавится хотя бы от части своей жажды убийства.

Однако Ли Цзючжэн не спешил идти ему навстречу. Хотя он и не отталкивал его, а его настроение постепенно успокаивалось, в глазах вернулось привычное холодное безразличие.

— Плачут только слабаки. Я не слабак, — отрезал он.

«...» Ши Цзинь внезапно пожалел, что не смотрел больше слезливых ток-шоу — может быть, он научился бы у ведущих, как заставлять людей плакать.

Полоса прогресса по-прежнему маячила в опасной зоне; очевидно, жажда убийства Ли Цзючжэна никуда не делась. Взвесив все варианты, Ши Цзинь услужливо предложил:

— Тогда я поплачу за тебя! Я совсем не сильный. Когда умерла моя мама, я был слишком мал, чтобы что-то понять, и даже не знаю, плакал ли я вообще. Мы страдаем от одной и той же боли, но раз ты не можешь плакать, я сделаю это за тебя. Все в порядке, я всегда буду для брата заботливой маленькой ватной курточкой.

Он позволил Сяо Сы наложить на него небольшой бафф, затем шмыгнул носом и разрыдался. Он плакал так, словно наступил конец света, и вскоре плечо Ли Цзючжэна насквозь промокло.

Ли Цзючжэн: «...»

— Ууууааа, дети без матерей подобны траве на обочине, до них никому нет дела! До нас никому нет дела... — Ши Цзинь плакал и плакал, пока не начал реветь в голос. В процессе он ненароком вытер соплю о пальто Ли Цзючжэна.

Ли Цзючжэн, страдавший легкой мизофобией, окоченел и попытался оттолкнуть его.

Ши Цзинь здесь надрывал сердце от рыданий, так с чего бы ему позволять себя отталкивать? Он обвинил здоровой рукой шею брата и прижался еще крепче. Мысленно же он взвыл, обращаясь к Сяо Сы: «Что это за чертов бафф?! Я чувствую себя таким невероятно несчастным, что мог бы разрушить Великую Китайскую стену своими слезами!»

Сяо Сы робко прошептал: <Эм, ну, это потому, что я наложил на тебя бафф "Госпожа Мэн Цзян слезами разрушает Великую стену"...>

Ши Цзинь: «...Уууу!»

Под свист северного ветра солнце клонилось к закату.

Два брата сидели перед надгробием. Один безучастно смотрел на него: руки безвольно опущены, брови нахмурены, а во взгляде читалась безграничная обреченность; второй же вцепился в него и выплакивал все глаза, рыдая так, словно чтобы он остановился, небесам тоже пришлось бы разразиться слезами.

Случайные посетители кладбища, видя эту картину, невольно воображали себе какую-то леденящую душу драму с трагическим концом. Они тяжело вздыхали, качали головами и проходили мимо.

Прошло больше часа, прежде чем рыдания Ши Цзиня утихли. Тут-то обезвоживание, голод и лихорадка, наряду с прочими симптомами, и напомнили о себе. Сознание Ши Цзиня начало угасать. От холода он непроизвольно свернулся калачиком и попытался еще глубже зарыться в объятия Ли Цзючжэна.

— Когда она встретила Ши Синжуй, она была просто наивной девчонкой, ей не было и двадцати, — внезапно заговорил Ли Цзючжэн; его голос звучал мягко, но в нем не было эмоций. Это заставило Ши Цзиня немного прийти в себя, и он потерся головой о грудь брата, показывая, что слушает.

— Она была последней женщиной, за которой ухаживал Ши Синжуй... Это было до появления твоей матери. И хотя Ши Синжуй бросил ее сразу после моего рождения, она все еще цеплялась за иллюзию: «видишь, твой отец заботится о тебе, он не ищет другую женщину, может быть, однажды он к нам вернется»... Эти нелепые мысли заставляли ее все больше и больше предаваться фантазиям. В конце концов она полностью в них погрузилась.

Ши Цзинь открыл глаза, немного ошеломленный.

— Но в итоге это оказалось лишь ее заблуждением. Появилась твоя мать, и иллюзия рухнула... Тогда она придумала новую: «смотри, мы с этой женщиной похожи, твой отец просто позарился на ее молодое тело, но это не имеет значения; когда она родит ребенка, как я, ее фигура тоже изменится, и тогда твой отец поймет, кто из нас лучше... Твоя мать особенная, и ты тоже».

Ши Цзинь с трудом приподнялся, чтобы посмотреть в лицо брату.

Ли Цзючжэн бесстрастно посмотрел на него и протянул руку, коснувшись его щеки.

— А потом она сошла с ума в прямом смысле этого слова. Поначалу, приходя в себя, она не верила, что ее бросили. Она игнорировала существование твоей матери и начала верить, что ты — ее ребенок. В том, что Ши Синжуй не приходил к ней, она винила меня — поскольку я не был похож ни на мать, ни на отца, то он возненавидел меня и из-за этого бросил ее. Позже она даже подозревала, что меня подменили в роддоме. Разве это не смешно? Я был прямо перед ней, но она считала своим сыном тебя, которого в глаза не видела.

— Брат... — сердце Ши Цзиня болезненно сжалось. Он хотел утешить его, но понятия не имел, что сказать.

— Гены — удивительная штука. У меня было много вопросов, на которые я не мог найти ответов, поэтому я пошел изучать медицину, — Ли Цзючжэн прикрыл ладонью нижнюю половину лица подростка и замороженно смотрел только на его глаза. — Позже я многое узнал. Узнал, почему не похож на своих родителей, и что мамины фантазии на самом деле были психическим заболеванием. Я изо всех сил пытался вылечить ее, заботясь о том, чтобы ее состояние не ухудшилось... Когда Ши Синжуй наконец умер, я был уверен, что она очнется по-настоящему...

— Брат, не надо больше говорить, — Ши Цзинь убрал руку, закрывавшую его лицо, и сжал ее, пытаясь остановить поток слов, льющийся из его уст.

Ли Цзючжэн опустил руку. На его лице не отражалось ровным счетом ничего.

— Но она умерла. Она очнулась и потеряла всякую волю к жизни. И как бы я ни старался удержать ее здесь, она умерла прямо у меня на глазах. До своего последнего вздоха она винила меня, спрашивая, почему я не мог быть на нее похожим.

Ши Цзинь поспешно снова схватил его за руку и сказал:

— Это не твоя вина, она просто болела. Винить нужно Ши Синжуня, а твоя мама была больна. Это не твоя вина, брат.

— Я чуть было не совершил ту же ошибку, что и она, впад в такое же безумие... вот если бы ты никогда не рождался, если бы ты действительно был ее ребенком... Но ты тут ни при чем. Ты просто ребенок, потерявший мать... — Ли Цзючжэн медленно высвободил свою руку. В его глазах воздвиглись толстые стены, пряча эмоции глубоко внутри и не позволяя никому пробиться сквозь них. — Можешь идти, Ши Цзинь.

Сяо Сы закричал: <Упала! Цзинь-Цзинь, твоя полоса прогресса опустилась до 500! Это чудо!>

Ши Цзинь удивленно моргнул, а затем нахмурился, глядя на Ли Цзючжэна:

— Пятый брат, я не уйду. Хватит накручивать себя — все наладится.

— Уходи. — Ли Цзючжэн отвернулся от него и поднял с земли скальпель. Он бросил взгляд в сторону ближайшей тропинки: — Тот человек идет за тобой. Увидев тебя, он направился прямо сюда... Уходи, я больше не хочу тебя видеть.

Застигнутый врасплох, Ши Цзинь посмотрел в указанном направлении и увидел знакомую фигуру в инвалидной коляске. Его глаза радостно вспыхнули, и он поднялся, желая броситься к нему. Он сделал шаг вперед, затем остановился и повернулся назад, наклонившись, чтобы выхватить скальпель из руки Ли Цзючжэна. Он с трудом попытался поднять мужчину с земли, приговаривая:

— Первый день Нового года — благоприятное время для почитания предков. Теперь, когда мы закончили, пора возвращаться и продолжать праздновать.

Ли Цзючжэн нахмурился и поднялся, потянувшись за скальпелем:

— Отдай.

— Нет, теперь он мой. — Ши Цзинь сунул скальпель в карман, схватил брата за руку и потянул в сторону Лянь Цзюня. — Я же сказал, что останусь с тобой. Ни у кого из нас нет родителей, поэтому будет правильно провести Праздник Весны вместе. Давай, пошли. Когда вернемся домой, я налеплю тебе пельменей.

Ли Цзючжэн не сдвинулся с места.

— В Чэнду на Новый год пельмени не едят.